

— Ах... как больно... — Е Сюймэн покраснел, его глаза затуманились слезами, он закусил нижнюю губу, а тело мелко и непроизвольно дрожало.

Это огромное, обжигающее ощущение реальности заставило его — парня с прямолинейностью стального прута — наконец сдать последние рубежи обороны и стать куда более гибким, чем пружина.

Черт возьми! Во всем виноват этот «живой яма», если бы не он, возможно, он бы никогда в жизни не столкнулся с подобным!

...

Город Цзин, караоке-клуб.

Е Сюймэн спрятался в туалете, на его висках выступили мелкие капельки пота.

Несколько влажных прядей слегка вьющихся волос прилипли к высокому лбу, отчего его и без того молодое лицо стало выглядеть совсем по-юношески, словно он школьник.

Его красивые от природы, искренние щенячьи глаза сейчас были полностью сосредоточены на зеркале: он старательно репетировал признание, которое уже не раз переделывал.

— Бай Вэйвэй... — он изо всех сил старался скрыть волнение, но голос все равно срывался: — С-с днем рождения!

Стоило ему произнести это вслух, как тон тут же изменился, а неконтролируемая дрожь в голосе выдала его с головой.

Недовольно сморщив нос, он с силой откашлялся, пытаясь вернуть самообладание.

— В общем... на самом деле...

Он облизнул пересохшие губы, ресницы быстро затрепетали. Он снова уставился на зеркало, словно перед ним стояла та самая девушка, от которой его сердце уходило в пятки.

— Я... я давно тебя люблю! — на эти слова у него ушло огромное мужество. Щеки мгновенно вспыхнули, покраснев до самых ушей, а белая шея покрылась нежным розовым румянцем.

В полумраке туалета караоке-клуба он выглядел удивительно живым, сам того не подозревая, почти соблазнительно.

Он слегка опустил веки, и голос снова невольно стал тише, но в нем звучала неподдельная, чистая искренность юноши:

— С самой первой нашей встречи... когда ты улыбаешься, твои глаза изгибаются, как... как красивые полумесяцы, это так здорово...

На этом месте он запнулся, чувствуя, что сердце вот-вот выскочит из горла.

От слишком прямолинейных слов его бросило в жар, и он машинально вцепился руками в свои пушистые, мягкие кудри, превратив и без того небрежную прическу в еще более лохматый беспорядок.

Этот детский жест создавал странный контраст с атмосферой признания — он был таким неуклюжим, что сердце невольно смягчалось.

Спустя несколько секунд, собрав остатки сил, он наконец решился и с отчаянной смелостью отчетливо прошептал:

— ...Я просто хочу... просто хочу... всегда смотреть на тебя, защищать тебя...

— Ты... ты согласна быть моей девушкой? — последняя фраза была пропитана застенчивостью, это был почти выдох, едва слышный звук, легкий, словно полет мухи.

Как только слова стихли, время словно замерло. Было так тихо, что он слышал только гул собственного сердца.

Клац. Замок на двери соседней кабинки внезапно щелкнул.

Этот звук был подобен грому, прогремевшему прямо над ухом Е Сюймэна!

В тот же миг кровь в его жилах, казалось, застыла, чтобы в следующую секунду ударить в голову.

Он резко распахнул зажмуренные глаза, зрачки расширились от крайнего испуга и смущения.

Он медленно повернул голову, и в шее послышался сухой хруст.

В его взгляде смешались остатки паники и только что проявленная искренность. Он подсознательно взглянул в узкую щель двери соседней кабинки.

Его взгляд наткнулся на темную ткань дорогого костюма и мужской силуэт.

Человек медленно подошел к мраморной раковине.

Одного лишь профиля было достаточно, чтобы дыхание Е Сьюмэна перехватило.

Высокий!

Это было первое, что бросалось в глаза.

Черный костюм от кутюр, словно произведение искусства, идеально облегал широкие плечи и узкую талию — пропорции были почти пугающими.

Каждая линия его фигуры источала необъяснимое давление и властность.

Галстука на нем не было, верхние пуговицы рубашки расстегнуты, открывая холодную, бледную до синевы кожу, отчетливо выступающий кадык и острые ключицы.

Е Сьюмэн невольно поднял взгляд выше: жесткий, прямой нос, четкая и резкая линия подбородка.

Тонкие губы сжаты в безразличную линию, создавая ауру неприступности.

Красив...

Невероятно, до абсурда красив...

Будто модель, сошедшая со страниц глянцевого журнала.

Е Сьюмэн застыл на месте, ошеломленный этой примитивной, инстинктивной мыслью.

В следующую секунду на него нахлынул еще более мощный холод, от которого по коже побежали мурашки, мгновенно заморозив его восхищение.

Холод!

Мужчина был словно живой холодильник, излучающий абсолютный ноль.

Казалось, даже шум из коридора караоке, гремевшая музыка и крики веселящихся людей отскакивали от этого ледяного безразличия, пронизывающего его до мозга костей.

Мужчина небрежно повернул голову. Его глаза — классической формы, присущей лишь самым красивым мужчинам — были глубокими и завораживающими.

Слегка приподнятые уголки глаз придавали этому манящему взгляду еще больше томного очарования.

Однако Е Сюймэн не увидел в них ничего, кроме ледяной стужи и остроты; в них не было ни капли человеческих эмоций.

Мужчина смотрел свысока. Его взгляд скользнул по лицу Е Сюймэна, словно он оценивал дурака, с ноткой легкого презрения.

Этот ядовитый, холодный взгляд вмиг пронзил Е Сюймэна насквозь.

Он почувствовал себя клоуном, с которого сорвали одежду, неуклюже разыгрывающим спектакль перед пустым залом.

А единственный зритель насмехается над его глупостью самым жестоким и ледяным образом.

Огромное смущение, неловкость и стыд от того, что такой пугающий незнакомец подсмотрел его самые сокровенные мысли, заставили его мечтать о том, чтобы провалиться сквозь землю.

— Ты... ты... на что уставился? — Е Сюймэн невольно отступил на шаг и дрожащим голосом задал этот вопрос.

Взгляд мужчины мгновенно стал жестким. Он слегка подался вперед, и уголки его губ изогнулись в злобещей усмешке:

— Если ты не смотришь на меня... откуда ты знаешь, что я смотрю на тебя?

Аура, исходящая от мужчины — «не трогай меня, а не то не поздоровится» — превратила пространство в ледяной склеп, сковав его движения и вызвав онемение кончиков пальцев.

Этот человек... каждая деталь его облика кричала об опасности и неприятностях!

К тому же, он явно был из тех, кто может заставить весь деловой круг Цзина содрогнуться одним лишь движением ноги!

Инстинкт самосохранения Е Сюймэна взвыл сиреной.

Он мгновенно лишился мужества продолжать допрос. Похоже, отступление было лучшим

выходом. Руководствуясь принципом «умный в гору не пойдет», он, не оглядываясь, вылетел из туалета.

Шэнь Инчжоу наблюдал за тем, как Е Сюймэн улепетывает, словно хомяк, и нашел эту сцену довольно забавной.

Полчаса назад он сбежал из душного VIP-зала, желая смыть с себя запах дешевых духов и раздражение от общения с поверхностными людьми.

Сквозь шум воды до его ушей донеслось это тихое, срывающееся от волнения признание.

Через щель в двери он мог легко представить себе неуклюжесть этого «малыша».

Покрасневшее детское лицо, растрепанные от нервов волосы, робкий голос, репетирующий избитые фразы, словно скопированные из дешевых мыльных опер.

— Защищать тебя?

На лице Шэнь Инчжоу промелькнула усмешка, а в глубине ледяных глаз отразился едва заметный сарказм.

Подобная наивность и ничего не стоящие обещания в этом мире, где царит закон джунглей и интересы превыше всего, дешевы, как использованная салфетка, которую выбрасывают сразу после применения.

<http://bllate.org/book/19437/1904442>